

United States Holocaust Memorial Museum
Oral History Interview
Belarusian Witnesses Documentation
Project

Нина Татур

11 февраля

Туре 1

– Здравствуйте

– Здравствуйте

– Назовите пожалуйста ваше имя и фамилию

– Фамилия моя Татур Нина Игнатьевна. Фамилия Татур, зовут Нина, по отчеству Игнатьевна

– Какого года рождения Вы?

1927

– И где вы родились?

– Родилась я в деревне Подьясень, Погорельского сельсовета с польского района, Могилевской области

– Несколько недель тому назад к Вам заходили наши коллеги и Вы общались с ними, Вы рассказывали то, что Вы видели во время Второй Мировой войны.

– Да

– На этот раз мы приехали, чтобы заснять ваши воспоминания на видео. Для начала, скажите пожалуйста, где Вы проживали в 41-ом году, когда началась война.

– Когда началась война в Гродянке, Гродянка.

– То есть Вы переехали уже

– С 38-ого года мы переехали сюда, в Гродянку. С 38-ого года жили в Гродянке. Война застала нас в Гродянке. Ну, а Гродянка ж с польского района, вы ж знаете, с польского района, Могилевской области.

– Скажите пожалуйста, в Гродянке, здесь, до войны проживали евреи?

– Проживали, ооо, много даже.

– Вы кого-нибудь помните по имени или по фамилии?

– По фамилии, по имени кого, кто вас интересует

– Я не знаю, просто назовите имена

– Пожалуйста. Вот по нашей вулице, вот тут Зельцер жил, еврей, он был сапожником. Была у него сапожная мастерская. Дальше жил, вот тут не так далеко Лившиц, Лившиц был, вот я не знаю, как он звался, он занимался, он был, ну, принимал картошку, овощи принимал, приемщиком был, вот работал. Дальше туда, там жили Рубины, тоже евреи, но они работали на заводе два. Туда дальше там тоже Ихмельничиха, эта в аптеке работала.

– А в Гродянке больше проживало евреев или белорусов?

– Слушайте, я вам точно не могу сказать, яврэю было очень много.

– В школу Вы ходили вместе с еврейскими детьми или у них отдельная школа была?

– Нет, мы вместе учились. Вот у нашем классе, нас было 28 человек в классе, у нас половина яврэю было, половина русских. Яврэйские дети ходили, конечно, они были, ну, богаче наших детей, короче вам сказать, они как-то, одевали их как-то красивше. Учились мы все вместе

– А почему были богаче?

– Ну я не знаю, вот это я не могу сказать, почему, наверное они лучше трудились или, не могу сказать, или они умели так своих детей одевать, они очень даже хорошо своих детей у школу одевали и все. Яны были, их семьи все были большие, у их дети по пять, по шесть, по сем детей у евреев. Яурэйские семьи вообще были большие, но они были дружные, вот они были очень – очень

дружные. Яны кажется ругаются между собой, но они потом между собой очень-очень хорошо, очень даже хорошо я бы сказала.

– А какие отношения были между белорусами и евреями?

– Ну, мы в школу ходили, у нас никакого не было отношения. Еще вот помню, у нас, яурэйка училась с нами, яе фамилия была Бирштейн или Рубинштейн, я уже не помню хорошо, но она была пераросток уже, это мы у пятым з ею, да, у пяты, шасты, дык яна была такая, учиться она, то ли она не хотела, то ли можа у яе не получалася, Бог ее знает. Она у школе сядела, она и гаворыць: «Подскажи, а подскажи. Не подсказаш – получишь». Яна тады подзатыльника дасть так, что будешь помнить столько, сколько будешь жить. Вот она ходила. Вот ее вызовуць к доске, ну, сядзиш ж уже, знаешь, подсказешь – беда, сам получишь плохую. Вот один таки быу эпизод: учительница гаворыць: «Ну-ка расскажи», по географии «Расскажи якия рэки». Мы ей на перамене говорили як и что, и на карте пальцам тыкали, ну вот жаш так, дык мы уже так рэки, гаворым: «Ну ты запоминай: Лена, Яна, Ленцызьяна рака – вот якия». Яна вышла – не знае. Я узяла подсказала ей. Учительница гаворыць: «Усе. И табе плохо. И табе». Дык яна гаворыць: «Ну, ей за что, яна ж знае, а я и знала, что мне будзе плохо, я по этому и не хотела отвечать», и пошла, вот пожалуйста. У их очень хорошо получался немецкий язык я вам хочу сказать, а так яны, ну, были... этих Мельникавых девачка была эта, як яна, Дашка, ци гэта Ранчукова, не помню я, дык вот эти девочки, у их как-то получалось усе, усе предметы хорошо, а у некоторых, вот нямецки.. Вот со мной Винакурова училась, это моя подруга, ну у яе не получался, а математика совершенно была плохая. Совершенно плохо..

... и мы жили хорошо, у меня очень хорошо математика была, математика была, ну, усе предметы неплохо у меня были, а нямецки я не любила

– Почему?

– Я не знаю почему, я его так ненавидела, что не знаю. Прыдецца, я даже буквы эти не запоминала, я еле-еле-еле вытягивала это, ну, раньше это какая-то посредственная, когда я училась, посредственно говорили, но сейчас это тройка, это тройка, я еле тянула. Усе у меня были хорошо, а этот, я его не любила, я его как чувствовала...

– Когда война началась вы помните?

– Помню

– Какие у Вас воспоминания?

– Ой, ой, помню и як немцы пришли к нам, помню, пришли, так рукавы позакасанья, шапки этыя понадзевонья, оо яны.

Первы раз мы их видели, ну, они были раздзетыя, не были у форме этой, ну, адзетыя у сваей форме, а приехали такия молодые парни, а тут у нас митинг на базары... вы не ехали...

– А что за митинг был?

– Ну, вайна началась, усих собирали, усих отправляли в военкомат, усе ужоц тут, такая паника стала, когда объявили войну, дык паника ж была

– То есть о том, там просто собралось много людей

– Много людей собралось, и гэтыя, а чорт ци знае, як яны попали тут, нейкия шпиены, ну, их, наверное, самолетом закинули сюда, к нам. И вот яны стояли слухали, ну, коммунисты ставалися, зразу ж тыды, мусиць, чатырох коммунистов, хто выступау, усих и убили, от сечас же, только митинг кончился, яны з пистолета раз одному, другому, трэцяму и усе. А сами скрылися, дзе нихто не бачыу. Мы дзеци, я дождж пабегли ад их.

– Подождите, то есть Вы тоже были там на этой площади?

– На митингу – конечно, что вы!

– И, то есть когда вот этот митинг, это собрание было, тогда еще немцы не вошли в вашу деревню?

- Нет, еще тогда немцев не было.
- Тогда немцев не было
- Не было яшчэ
- И то, что Вы видели, это как застрелили нескольких людей...
- Да, да, да
- Вы лично видели?
- Мы видели. Як яны стали стрелять, мы пабегли як дождж, усе хто куда.
- А Вы видели как падали вот эти люди, или Вы только видели, как стали стрелять, и все, больше ничего не видели?
- Мы, як яны стали стрелять, мы побежали
- Хорошо. А Вы видели кто стрелял?
- Стреляли ж этыя, что стояли. Учатыхрох, такія взрослыя мужыки. Стояли, они стояли адзетыя у гражданскую адзежу, яны у гражданской были адзежы, яны не у форме были. Ды красивыя такія мужыки стояли, так гэта паглядывали на усих хорошенько
- Они не местные были?
- Не, хто их ведае, адкуль их прывяло
- Откуда Вы предполагаете, что они были немцами, или кто-то говорил...
- Дык а чаго ж яны стреляли, и дзе яны дзеліся, мы не знаем, и после них у скорости немцы приехали, вот мы поэтому и решили, что это были шпиены
- А, Вы просто видели этих четырех...
- Видела четырех, такія красивыя, молодые мужыки
- Они не были в форме? В гражданском?

- Не, яны были в гражданском одеты. Я ж вам говорю
- Вы слышали на каком языке они разговаривали?
- По русски разговаривали, как не в чем не бывало
- И просо вдруг, ни с того, ни с сего они стали стрелять?
- Как только митинг окончился уже, от яны, митинг окончился уже, ужо стали злазиць, у нас жа ш трибуна высокая была, от тут на центры, и стали этыя мужики злазиць, яны их тут и убили.
- А вот эти мужики, это были местные, которые...
- Местные наши, партийцы
- А Вы помните их фамилии?
- Ну, гэты ж быу Грышкоу, вот, Люси Грышковой бацька быу, Наркевич быу, пачакайце, хто ж гэта, ой, яшчэ ж два было, о фамилия выскачыла, но Наркевича и гэтага, хто ж яшчэ два мужыки, коммунисты такія... Кавалеу адзин, фамилия Коволев, але ен быу з Гомеля сам, эта гаварыли, бо сямья, ен тут близка работау у нас на участке, эты Кавалеу, а як убили ужо яго, дык жонка паехала ад нас, у вану, во время войны забрала дзяцей и уехала. А вот трэци...
- В прошлый раз Вы упоминали какого-то человека, Иваном его звали
- А?
- Вы говорили в прошлый раз, что какой-то человек Иван по имени
- Убили?
- Да
- Убили, дык это ж, наверно это ж звауся, эты, не Грышкоу, мусиць, не Иван звауся. Мусиць Наркевич Иван звауся, я не знаю

– То есть эти люди: Наркевич, Гришко, они были на этой трибуне?

– Да

– все вместе? Вот только четверо людей...

– Все вместе стояли на трибуне и, як ишоу митинг, выступали

– Вы помните, что они говорили на этом митинге?

– Оо, ну что они говорили, ну, они призывали, что вот враг напал на нас, и усе, а мы дзеци, мне 14-ы год ишоу, ну вот пожалуйста. Дык яны и говорили, призывали, наших жа ш усих побрали, хто молодые мужики, их жа ш усих сразу у военкомат у Осиповичи и у армию побрали. Еврейское население тоже, хто маладзейшы усе поехали, особенно мужчины, а каторыя остались – пришли немы и побили зараз.

– Как далеко от трибуны Вы стояли тогда?

– Ой, ну як вам, на метрау, ци што. Ну, чтоб вы имели представление, там цяпер стоит эта, ну, памятник эты стайць, ну, нашим жителям памятник, а тут трибуна такая стояла висока, на этой трибуне... а тут жа ш кругом было обгорожено, дык мы на эту сторону

– И сколько меторов с трибуны?

– Ну метров пять, можа десять

– То есть не очень близко вы видели все хорошо

– Ну дык а чаму ж не, усих мы видели

– А вот эти четверо людей, которые вы говорите, что может быть шпионы, они стояли тоже вместе внутри народа или отдельно?

– Они стояли з усими, взрослые усе стояли на ту сторону, а дзеци мы, стояли на эту сторону...

- То есть они вместе со взрослыми?
- Они со взрослыми стояли, даже никто не
- Как в перемешку, не отдельно...
- Не, они стояли, один там, там, там, яны так это стояли, как это будто бы...
- топа
- толпа людзей, усе
- И просто когда, значит, они начали спускаться, эти Наркевич...
- Да, да, да. И только стали они спускаться, по лестнице спускалися, и яны их и убили.
- Вы говорите, что Вы сразу побежали, ну сколько примерно выстрелов Вам было слышно?
- Я только адзин чула
- Вы только один слышали
- Один выстрел, як яны стрелили, усе мы позамирили, сколько силы паляцели, как дождж дзеци поразбегалися, не глядзели уже
- А потом уже не было слышно выстрелов, после того, как вы уже бежали
- Мы уже не чули, ци там стреляли, ци не стреляли, мы ужо пабегли домой усе с этого митинга
- А как Вы узнали потом, что вот этих четверых убили? От кого?
- Ну як у дзярэуне не узнать, Господи, потом соседка пришла ды гаворыць: «Вот того и того застрелили, того и того застрелили», и хто застрэлиу, яна гаворыць: «Ну, этыя, что у гражданском стояли мужики. Яны страляли».
- А потом они уехали из деревни?

– Дзе яны дзеліся ніхто не знае, как май змаіу іх, чорт іх знае, дзе яны дзеліся

– А как гэтых камуністаў, как хоронілі Вы ведалі?

– Хоронілі, ну як іх, на кладбіцы пахоронілі

– Ну Вы не ведалі, калі хоронілі іх?

– На пахораны я не ходіла, я баялася

– А што адбылося з евреямі, таму, што Вы гаворыце, што пабілі іх тажэ? Калі і што адбылося?

– Оо, дык яврэяў пабілі, голубушка, гэта ўжо ў 42, наўраўное, канце, да, наўраўное, ў 42-ым, у канцы. О, гэта саўсем ўжэ другое...

– Раскажыце саўчала, вот што адбылося пасле таго, как немцы вошлі, з евреямі? Што з імі сталось?

– Ну што з яурэямі. Яны нешта, я не знаю чаго яны так к гэтым яврэям, такія былі нераўнадушныя, такія, нейкія як зверьё якое, гэтыя немцы. Яны, я не знаю... цяпер людзі гаворыць, што яны нам друзьы, ну, канечна, я іх за друзей не лічу, как вы сабе мяня хочэце лічыце, іны ўбілі ў мяня отца, іны ўбілі ў мяня сесту – я іх не лічу за гэтых. А з яурэямі іны абраўчаліся ўвелькі, ўвелькі і ўвелькі плахо. Вот цяпер, Ленка, як гэта, што носяць на рукавах...

– Паязка?

– Я яе нікогды не... мне плямяннік мой разо тры прывозіу гэту паязку, чтоб я одевала, куду іду, ці што, а я нікогды не одену. Я як ўспоню, як евреі ходілі з гэтымі нашіўкамі, звызды такія павырэзалі. А потым пошілі спереди тут гэту звызду такую, і на плечах. І я як ўспоню, вы мяне убейце, я гэта не буду одевать гэту вот, яно надо, яно, можа быць, надо, гэта знаете, усякі случай бывае, но я яго не адзяю. Я калі одевать яго, мне перед глазуі становіцца вот такая картина...

- То есть евреев заставляли носить эти повязки, да? Как нашивали что-то
- Им нашивали такие повязки. Они бедные ходили усе...
- А какого цвета были эти нашивки?
- Желтые
- Желтые. Помните какой формы они были?
- Ну, звезда, от звезда. Понимаете, наша русская звезда
- Пятиконечная или?
- Пятиконечная звезда наша и только большие такие, ну, круги такие большие, и вот спереду так, и сзади
- Они сразу стали носить эти нашивки, или попозже?
- Сразу они не носили, а потом, ну, нешта, не знаю, попозже стали носить, но але это мало время прошло, як как-то, совсем мало прошло, як яны стали носить. Их стали сгонять уже у эты, ну, у одно место
- Куда их сгоняли?
- У дом у один, как говорили «Когал».
- Кохал, так и говорили?
- Когал, говорили Когал
- Про этот дом так говорили?
- Да, сюда этих самых евреев усих. Винакурау дом, бальшы быу, там быу, Винокур жил
- Это тоже еврейская семья
- Еврейская семья тамака жила, дом красивы такой был
- И всех евреев...
- И тогда всех евреев сгоняли туда
- Вы видели, как их сгоняли туда

– Як их сгоняли, я не видела, як их гнали, ноя видела, як яны были там. И носили есци им як, усе. У меня брат быу, ну ен, як вам сказаць, ен младше меня был, и ен нейки таки худеньки быу

– На сколько лет младше вас?

– Ен за мяне на тры ци на что, ну яму гадоу 9-10, таки хлопчык быу, и знаете что, ен быу таки малы, ростиком малы быу, и худзеньки ен быу, дык ен лазиу туды к этим евреям цераз забор

– В это дом Винакуровых?

– Да в этот дом дзе яны были. Ен им есци насиу туды. Ямы мам пашыла такую, ну, як вам сказать, кофточку, ци что, як матросачку называли раньше, и вот яна тут была затянута рэзинкай, ци матус яки, не магу сказать, и ен натаукае туды картошки, маркоуки, что у градах есть и пайшоу туды. А их жа охраняли полицаи. И ен будзе исци, там стаиць гэты полицай, а ен идзе на яго, ен на яго внимания не обрацае, что ен як паузе, а гэты ужо полицай на эта дзиця не обрацае внимания. А ен знау, дзе эта доска, и ен туды залезе и отдаст эту еду.

– Полицаи были местные?

– Местные

– Отсюда, из Гродянки?

– Да. Были и полицаи были добрыя, ну были и усякия. Были и гадкия

– И много таких полицаев было тогда?

– Цэлы атрад их, мусиць, быу, чалавек 12, мабыць, было, не знаю, точно я вам не скажу, бо я не знаю сколько их было

– И только они охраняли этот дом Виноградовых, или немцы тоже охраняли?

– Не Виноградов, а Винокуров

- А, Винокуровых, да
- Только они охраняли?
- Ну полицаи охраняли их
- А немцев там не было?
- Ну, немцы приходили, але немцы не интересовалися, янв только интересовалися, вот, каб дзе, яны баялися, тут жа ш партизанская зона, не думайте
- Вы сколько раз видели этот дом, когда евреи были собраны там
- Каждый день. Я ж не тут жила, миленькая моя, а жила дзе цяпер, але ж вы не ехали наверное, дзе станция цяпер
- Этот дом далеко от Вас находился?
- Ну, як вам сказать, не особо, это по адане улице даже были
- По той же самой улице
- По той же улице
- Так что Вам приходилось часто проходить мимо
- Там можно было и проходить мимо и усе, вот идзеш на Гродянку, можаш исци пауз их
- Когда Вы проходили мимо этого дома, что Вам было видно оттуда? Вот с улицы, внутри, во дворе, что Вы видели?
- Чо ж, там досками было обнесена кругом и усе.
- То есть они были высокие и вы совсем ничего не могли видеть?
- Ну, туды никто не залазиу, полицаи ж стояли, дык как жа видеть, если будеш лезти на доску что угледзецъ, дык полицай быстро заметит, скажа: «Чага лазиш?», ды и пальне
- Было ли слышно что-нибудь оттуда изнутри, какие-то голоса, или... было что-то слышно?

- Як голоса? Что гавораць, ци что?
- Да, что говорят, или что кричат?
- Дык а кто дасць приостановиться там, идзеш и прайшоу
- И когда проходили, ничего не было слышно?
- Там яны тихонько сидели, ну гавораць между собой и усе. Эты мой братик заходзиу, там з ими гаварыу и усе
- И что он говорил, как они там жили
- Ну, казау, что бедно жывуць, яны там есци хочуць, вот что он говорил
- Их совсем не кормили там?
- Ну я не знаю, як им, як яны жили, я вам точно не могу рассказать, но наши, Гроднянские, которые люди, ну тожа, кто таки более смялейшы, дык цераз забор что-нибудь, и хлеб кидали, буханачку спякуць хлеба и кинуць, ци картошки якой-небудь
- И их там собрали вот всех евреев, или только часть, которые осались?
- Не, собрали, их бедных усих собрали, согнали,
- Всех там
- Ой, як на цяперашни мой розум, я думаю, каб яны были смялейшыя, можна было им уцячы, але куда, яны баялися бедныя
- А сколько времени их там держали в этом доме?
- Ну яны, обождите, это с 41-ого... я вот вам не могу сказать... у канц 42-ого их жа ш уже побили
- Вы не помните, вот, например, это была зима или лето, или осенью, когда Вы проходили и они были все еще в этом доме?
- Дык что? Ци когда их побили?

- Когда их собрали, и держали в доме?
- Их собрали, их собрали як, осенью или что, у канцы 41-ого
- В конце 41-ого
- Да, уже их собрали. Яны 42-ы год уже жили, ды и это уже 42-ы год перелетавали, а уже ш к новому году их жа уже ш бедных и побилиз
- То есть целый год их там держали что ли?
- Да
- Их собрали и держали там внутри?
- И держали. Ну, яны их не трогали, этыя яурэи, яны их не трогали, а яны их, полицаи этыя уже только, немцы только як вот... ну дзяцей, як харошы полицай, дык пускали, дзеци бегали и по улице прыбгали, вот так вот
- В смысле кого пускали, белорусских или еврейских детей?
- Еврейских детей полицаи выпускали з этого гетто, ци як вам сказать
- Гетто? Люди называли так – гетто?
- Ну, кагал у нас казали усе
- Кагал называли да?
- Да
- Кагал называли
- Дык вот маленьких таких, вот, ну, дзетак выпускали. Полицай як харошы, дык пустить, ну хай бяжыць дзиця, можа хто что дасць, ци хлеба, ци картошки, ци маркоуку, ну, что есть
- А потом они возвращались обратно?
- И яны, этыя дзетки, опячть жа ш туда бегли

- Вы когда-нибудь вдели, чтобы эти дети выбегали оттуда?
- Дзеци этыя выбягали... дык яны к нам прибежали не раз
- А это к вам прибежали
- Яны к нам прибежали
- Вы помните кого-то по имени из этих детей?
- Чаму, во, Бог ты мой милы, во была Дашка, Винакурова Малка,
- Это Дашка ваша одноклассница которая?
- Моя одноклассница была Малка и Сорка была, и Дашка, этых, Мельникавы этыя дзевачки тоже были
- Они тоже прибежали к вам?
- Гэтыя дзевачки... Хмельникавы не, Малка прыходзила, так як мы з ей дружили, так яна когда-нибудь забегала, а так жа ш яны не ходили, они не знаю куда ходили дальше
- Так что они прибежали к вам домой
- Прибежали, и есци им давали
- Они не рассказывали, как они там живут, и какие условия?
- Ну что они будут рассказывать, что они могут рассказать, кали яны бедныя сядзели там як мышы под веником и усе, что яны могуць рассказать. Это только, кто не видел этого, и усе, дык расскзать, рассказать это очень тяжело
- А были случаи, чтобы люди там умирали, вот пока их там держали, потому, что вы говорите, что...
- Умирать не умирали яны
- Нет, не умирали
- Не умирали. Не было слышно, что вот там з голоду померли, ци там замерзли, ци что, нет, а потом их бедных забрли

– А кто потом забирал их?

– Немцы приехали у Гродянку и их тады забрали, ну, немцы, полицаи забрали их и на кладбище, у канцы кладбища сказали им выкопать, ну, роу таки, от каб вы летом приехали, я ж бы вам показала дзе яны похоронены, як и усе, дзе яны жили, дзе ихнее гетто было, дзе усе

– И что случилось потом?

– Ну что, и расстреляли их

– А Вы лично видели, как их стреляли?

– А хто ж, моя миленькая, цябе пустить туды, дзе их стреляли, каб падыйшоу.

– Ну вы видели, как их вывозили с этого двора?

– Вывозили, праз окно видели, как их грузили на подводы, на сани

– На подводы?

– На подводы

- На сани?

– Ну сани, зимой,

– Это было зимой

– Да, и повезли. Которые ишли, которые, кто ишоу, а кто уже не мог, дзеци шли, и старые яны ж уже не могли исци, их на санках везли. Мама яшчэ у вакно глядзиць ды гаворыць: «Господи Боже, во людоеды, яшчэ ж на кажным рамни «з нами Бог». У их ни Бога, ничога няма. Что им дзеци? Ну хай, можа, взрослые что зрабили, а дзеци что им забили?». Ну мама стояла у вокне, плакала

– Так что Вы через окно могли видеть, как их?

– Ну дык по улице их, вот улица, и вот туда глядзице у вокно, далекаю, и видно, як их повезли

- А сколько подвод таких Вы видели?
- Ну, их, як везли, яны на трох подводах возили их. Адных завезли раз, тады вторы раз прыехали, а Бог яго знае, сколько еще раз яны приезжали
- То есть эти подводы обращались обратно, и они забирали еще, и еще? Или все сразу, как бы вывезли всех сразу?
- Як? Усех жа сразу не погрузишь, моя дараженькая, на подводы, усих сразу не..
- Так что по очереди их возили туда
- Возили, возили, завезли у канцы, ну, у канцы тамака могилак. Там цяпер памятник евреям стаиць.
- А кладбище как далеко от вашего дома находилось?
- О, кладбище далека от нас
- Вы тогда в окне видели немцев, или видели полицаев?
- И немцы были, и полицаи – усе были яны там
- И много немцев, полицаев?
- Много, нашто много? Господи Боже. Их, можа. Там чалавек 10 было немцау, остальные полицаи
- А тогда, когда они проходили мимо вашего окна, вы уже знали, что их на кладбище везут?
- Ну, дык мы ж бачым, куды их вязуць
- То есть, просто Вы знали, что в сторону кладбища, но вы не знали...
- Ну. В сторону кладбища их жа знали, пошли слухи, что яурэяу будут расстреливать
- До этого уже были такие слухи?

- Уже слухи пошли, что будущь евреев расстреливать. Это у канцы 42-ого, или у начале... не, у начале 43-его это уже наших побили... это у канцы, наверное, 42-ого, але ж зимой уже
- Ага, зима была на дворе?
- Да.
- Вы за этой колонной, за этими санями пошли, ил Вы не ходили никуда?
- Куда, куда?
- Вот Вы видели, что они прошли, Вы ходили вслед, иил нет?
- Ого, пойдзеш, а немец у лысину трахне и усе! Нихто даже из хаты не выйшау.
- А с вашего дома, вот, до кладбища, Вы могли слышать выстрелы?
- А разве у хате почуеш выстрелы?
- Не знаю. Если близко, как можно слышать, если очень близко
- А я вам говорю, что кладбище от нас не очень далеко
- очень далеко было...
- Не очень далеко, но далеко кладбище
- То есть ничего не было слышно Вам?
- У хате ничего не было слышно. Говорили, кто там ближе жил, что, когда их уже побили, этих яурэяу, и усы дык яшчэ зямля варушылася, ну, з нядзелю зямля варушылася, говорят, что вроде бы, яшчэ можа ранили кого, ци что, ды яны у яму и кинули
- А кто Вам это рассказывал?
- Хто, ну соседи, кто там ближей жил каля кладбища.

- А когда их возили, их возили только один день, или несколько дней подряд?
- Один день
- Один день
- Один день. За один день
- Это был час, два или три, сколько времени они проходили вот так?
- Як вам сказать, яны начали, мусиць, у два часы, ци что, дня. А дзень жа каротки
- зимой
- зимой дни короткие. Так они раз проехали, тады вторы раз, а за этим уже и сумерки начались
- Вы потом, после этого дня, вы ходили на кладбище смотреть что там произошло?
- Чаго? Туды на кладбище кто пускал вас туды
- Не ходили
- Туды никого не пускали, и дзеци баялися, бо немцы дали таки указ: кто туды пойдет – будет расстрелян, и усе
- После этого дня, в деревне оставались евреи в живых?
- Евреев уже в живых уже не было никого
- Никого вы не видели
- Никого не было, никого
- Ни в том доме Винокуровых...
- Никого не было
- Уже полицейских не было, там охраны не было
- А кого там охранять, дом? Яны спалили дом и усе
- А что случилось со всеми домами евреев из Гродянки?

– Яурэйския дома были хорошие дома, позанимали полицаи. У полицаю были дома такая абыякия, а яурэйския дома были хорошие – позанимали. А потом партизаны як ужо стали, дык каб полицаи не занимали этих дамоу...

– Но Вы сказали, что полицаев было 12, а домов еврейских, наверное, было очень много. А что с другими домами случилось?

– А с другим домами, самолет налетел, под бомбежку попали, и дома полетели. А что осталось, дзе полицаи жили, партизаны спалили.

– А с имуществом тех евреев? Ну, имущество, которое было внутри домов, что с ними стало?

– Дык яно там и осталось. Что с тем имуществом, ой Господи, кому то имущество нужно было

– А кто-то из евреев, вот в тот конец 41-ого, 42-ом, кто-то из них смог спрятаться или сбежать как бы, были такие?

– Ну были. Липовы две эти ушли

– Липовы?

– Липовы. Их фамилия Рубинштейн, а бацька Лип звали, Филип Аронавич яго что-ли звали. Ен пайшоу на фронт и вярнуося з фронта. Тады з фронта вярнулися Шохман, ен, ой, яурэяу тады у нас вярнулися, мужчины, кто пайшоу

– Это Вы про тех, которые ушли в армию, да?

– Да

– и они вернулись

– да

– А кто-то из местных, которые остались в Гроджанке, кто-то смог как бы спрятаться от немцев, или чтобы спастись, были такие?

– Никога такого не было

– Не было таких, да?

– Не, я не помню, не было таких

– Не слышали про такие случаи.

А вот Вы говорили, что вашего отца убили немцы, и сестру. Расскажите как это произошло?

– Ну як произошло. Блокировка была

– Что было?

– Блокировка

– Ага, блокировка

– Ну, стау обстрел, яны уцякли у лес, ну у лес усе мы побегли

– В каком году это было?

– Вот у 43-им, 7-ого января. Эты дзень... Стали обстреливать Гродянку, мы побегли у лес, ну, а там у лесе як нашли, там и побили. Яны ж ишли на партизан, партизаны э им не давали покоя, Бог ты мой тут. Гродянка ж была партизанской...

– То есть, если я правильно понимаю, Вы не видели, когда убили вашего отца и сестру?

– Не видели, Господи. Яны пабегли у один конец леса, а мы пабегли у други.

– Но потом вы просто нашли их убитыми?

– Просто нашли. Мама знала дзе яны были, мама знала дзе яны. Мама была и мама пришла домой, было так, стау обстрел, а это ж к празднику было, к 7-ому, дык пабегли у лес, мама гаворыць: «Есци з собой не узяли ничога. Пойду хлеб выню». У печке у нас мама хлеб пякла. Дык мама гаворыць: «Пойду хоть хлеб выню, что-нибудь возьму есци». А тут уже обстрел, и усе.

- Так что получилось, что они попали под обстрел
- Не попали они под обстрел, их нашли немцы?
- А откуда Вы знаете про это?
- Откуда мы знаем... сосед под елкой лежал и бачыу, як немцы ишли туда
- И он увидел?
- Яго никто не видел и ен прляжау, а гэтыя немцы туда, и тут, гаворыць, стрэл таки пайшоу, як эты, и их пабили. 14 чалавек тады пабили.
- 14 человек?
- Да.
- Всех вместе убили?
- Ну 14 чалавек. Усех, хто быу там, у лясу, усех пабили. Дзяцей, у Лашкевича гэта ж 6 дзяцей тогда, папу с сястрою убили, ой Бог их усих успомнить – 14 чалавек. И усе во, у круговую.
- Их всех собрали вместе этих 14 человек?
- Я не знаю як их тамака, яны ляжали усе як, як вам рассказать, таким вот видом.
- То есть Вы были на этом месте, Вы видели их мертвых всех?
- Усих видела, я ж ездил па их
- Забирать отца, наверное, и сестру, да?
- Да, з мамой мы ж ездил и усих, но я усих не грузила, не, а мама помогала усих грузить
- И куда Вы грузили?
- Ну привезти домой, надо ж похоронить. Усих привезли сюда, домой.

- Вы еще кого-то узнали кроме отца и сестры там?
- Ну я ж усих знала, это ж соседи наши
- То есть они все были из Гродянки?
- Ну яны усе жители Гродянки. Усе яны были железнодорожники даже, я вам скажу, усе.
- Вы помните еще чьи-то имена?
- Их помню усих
- Можете назвать пожалуйста?
- А?
- Можете пожалуйста назвать имена, вот кто еще был там убит?
- Кто был: папа мой был с сестрой, тоды Лашкевич был и шестеро детей, дзяцей усих Яна, Галя, Лариса, Зойка, Толик хлопчык
- И они все были там мертвые?
- Все мертвыя яны были. И тады Маруся Малишевская была с хлопчыкам, ну, ляжали усе, твды Балуха, тады Виторсик быу, хто яшчэ.. вот я фамилию усе забываюсь, Лявончавич усе яго звали, ен мастером был на железной дороге, як жа ш яго фамилия, и яго забили там. Много, 14 чалавек
- И там Вы были только одна с мамой? Грузили только Вы, или еще какие люди?
- А не, ну поехали мы учетвярых
- С кем еще поехали?
- Поехали: мама поехала, тады яшчэ была соседка Соня Козлова. Соня поехала, и поехал дед Тишко, и Буличау Женька, хлопчык с канем. А тут як найшли, знаете як гэта, конь жа ш як увидел трупы, ен не близко. Мама тады скинула

свитку з плячэй, на морду коню начапила, и тады стали грузить, и так и привезли.

Ну усе, вас интересуе, вас про евреев больше интересуе, или интересуе вся Гродзянка?

– Все, что с гражданским населением случилось, все интересуе

– Ну, все. А немцы тогда остались ж тут у Гродзянцы, и так вот, вы идете з леса, а мароз быу, усе уцякли з обстрела, вы идете с леса, *хуть (присвиснула немного)* вас немцы и забьюць

– Это были такие разговоры, или Вы лично знаете, что так...

– Я лично усих их видела и усе, вот этия Зграукоуския Янак з Янинай, вот на свою калитку з лесу бедненькия ишли, мароз быу, уцякали ж усе у лес, а потом мороз, холодно, уже стали исци домой, а немцы стояли, немцы, у свою калитку, вот открывали калитку, немцы с автомата драхнули и усе...

– И Вы видели, как его убили?

– И абаих этих и убили, у своей калитки, вот уже дома были, а у лесе дык...

– А Вы на каком расстоянии были, когда видели это, как убили?

– Я их, на расстоянии я их видела, я их видела только як хоронили, этих...

– То есть Вы просто от других слышали

– Да, и этих вот, а Гришковых этих сколько побии, Боже ж мой

– А что с Гришковыми?

– Побии немцы, ой, поселок эти, ой

– А почему?

– Ну почему, потому, что с партизанами были связаны. У нас же ш партизанская зона. У нас же ш каждая семья была партизанская. Немцы не щадили никого. Яны як ворвутся, дык не дай Бог, а цяпер яны друзья

– А с Вами никогда ничего такого не случилось, с немцами, как бы, никаких случаев не было, не забирали, не...?

– Куды яны мяне забяруць. Мы уцякали у лес тольки яны покажутся. Мы не чакали, пакуль яны прыедуць, як тольки пачуем дзе стрэл, ци что, дык ляцели у лес за сто километрау, каб тольки ад их, каб их не чуць, не бачыць

– А какие еще семьи пострадали тогда?

– Уу, кажная трэцяя сямья пострадавшая была.

– ну если помните, назовите, пожалуйста какие-то фамилии из Гродянки, где Вы знаете, что еще были убиты именно гражданские люди

– Оо, и Шатила, и Болухавы, оо, это тольки желенодорожники, а тут же ш, о, дед Тишко забили, самолет наляцеу, дык и Киселя забили. Оо, самолеты, нас тольки чатыры разы бомбили, поразбивали тут усе на свете. Тут был поселок красивы-красивы до войны, а во цяпер что сталася з паселком

– То есть часть людей погибли от бомбардировок?

– И бомбили нас, и немцы наляцяць сюда, яны боялись партизан, тут партизаны, а тут немцы, яны боялись, яны чувствовали у Гродянке, что кажны чалавек это для их партизан, и яны страляли

– Так что они просто стреляли в любого человека, могли расстрелять на улице?

– Любого человека могли... что про их говорить, успаминать про людей у добры день про таких

– В прошлый раз Вы гоорили, что был такой случай, когда вас всех собрали в один дом и начали...

– Аа, это, да, да, да. Это ж блокировку, нас да. Мы пришли домой. Папа с мамой и сестра, они у один бок пабегли, а мы побегли у дзярэуню, у нас была тетка, дзярэня тут Макауе, яе усю спалили, тады немцы и людей побили там, и спалили, а там тетка, папина сестра, мы пошли к ей, к этой тетке. Сядзим там, гуляем, усе, партизаны, а потом там женщина одна, сын у партизанах, и дочка была у партизанах, яны забягаюць и гавораць: «Тут не сядзице, бо немцы будуць только сюда», облавы идуць и только сюда. Ну эта Глебиха нас и повяла лесом, мы прыйшли домой. Только прыйшли домой, и немцы уже тут у Гродянке бегают. У нас уже и коров ранили, и кабанчика забрали уже, носятся як сами знаете, ну, мы уже, что мы с сестрою яшчэ, мы пришли, мы померзли, мамы нима, никога, сядзим, а потом уже стали сгонять усих. Немцы зойдуць у хату, поглядуць есть хто: вег, вег, вег... погнали нас. Погнали нас, и там больши дом был этих Бакау, таки красивы дом больши, и нас усих туда

– А чей дом это был?

– Ну быу партизана аднаго – Бакау, яго фамилия Бакау

– А, фамилия Баков

– Бакау.

Ну, и яны нас туда усих, усих, усих сгоняли, и эта тетка, что привела нас, Глебиха, и яе туда, у яе два хлопчыки яшчэ было, и яе туда, ну и яна уже за нас и усе, нам как-то повезло. И уже стали, ну, много нас уже собрали, и стали забивать окна, мы стали крычаць усе. И в то время подъезжает легковая машина, выходит таки немец, одеты так шикарно, трость такая, нешта ен им стау гегетать па ихнему, яны не стали забивать окон, и пришли сказали: «У кого, вот, семьи – выходите». А нейки дзед сядзеу, эта женщина была красивая такая, тетя Лида, яна

за гэтага дзеда: «Чага ты дзед сядзиш?». И ен сядзиць нейки таки, ну, як выразіцца грубо, дуркаватеньки. Яна неяк яго за цвирку: «Поднімайся!». Ен: «Чаго?». Немец стаіць, сямья, яна нас чацвярых паставіла, сама за гэтага дзеда: «Во», кажа, «мой мужык. Во яки у мяне мужык». Ен паглядзеу на яе і так во галавой пакачау: «Ідзі!». Ну мы і пайшлі, і ўжэ с той теткой Лидой пошлі, і гэты дзед. Гэты дзед выйшау, яе не знае, яна яго не знае. Ен кажа: «А куды мне ісці?». «Куды хочащ». І мы пошлі. Ну а тады мама прыходзіць і сказала, што нашых ўжэ побілі.

– То есть это произошло в тот же самый день, когда вашего отца уже убили и сестру?

– Яны ж ушлі, ой, Господи...

– А были еще другие случаи, когда немцы после этого случая приходили, тоже, в деревню, пытались

– А чаму, яны прілеталі сюды, але ж прыедуць – пустая деревня, дык яны запаліць і поехалі. О, майская блокіровка была, яны ж пріехалі, у кого бабу старую забілі, гэтай Дунчыной ўжо мусіць гадоу 100 было, баба старэнькая, яна не уцякла, і яны яе забілі, ну дык вот. І тады ўжо пішуць у сводках, што партызана забілі, старую бабу забілі. Яна бедненькая хатела спрытацца у сараі, яна бачыць, што немцы, яна хатела у сараі, а яны ішлі па вуліцы і забілі яе. Нікога не было, з дзярэўні ўсе уцякалі

– Вы, просто, когда говорите блокіровка, вы імеете ввяду, што как блокіравалі всю деревню і облава как была, Вы про это?

– Ну, як вам сказаць, блокіровка. Ну, шлі цепцю гэтыя немцы

– Вокруг как бы они все обходили?

– Да, да, да. Они шлі на это Маковіе. Маковіе спалілі, людзей там согналі, хто остался

- Маковье это деревня такая?
  - Деревня Маковье
  - Это далеко от Вашей деревни?
  - От нашей семь километров
  - Семь километров
  - Семь километров. Она у лесе
  - Вы видели, как они спалили эту деревню?
  - Мы ж были дома, тут, а тогда уже дык пожалуйста, ходи. Они усе спалили, нидзе ни однае хатки не оставили, а людзей загнали, вот у дзярэуне свирны понимаете что такое? Таки сарай. Яны людзей туда согнали и там запалили, облили бензином, и сами ж не ночевали там, бо баялися, что партизаны из пабьюць
  - А Вы видели дым как с той деревни?
  - Яки дым, за 7 километров через лес дым увидишь?
  - Ничего не видно было видно, понятно.
- Отношение партизан с полицейскими, как, полицейские не боялись партизан?
- Ага, они боялись то, то, то, партизаны молодцы, давали им... У нас жа гарнизон только, мусиць, побыл один год, ци да, мусиць, не, год был, а тады усих их. Партизаны передзелися у немецкае, прыйшли, сабрали их и у расход
  - Убили?
  - Конечно. А что ж вы думали
  - Это уже к концу войны, или еще 43, 44?
  - Это в 42-ом
  - В 42-ом да?

– В 43-им уже полицаю у нас не было. У нас уже только налет немцев был в 43-м. уже немцы з Лапиц прыляцяць сюда, от тут уже нас яны не щадили, но але и партизаны уже их не щадили.

– То есть в 43-ем уже не было у вас полицейских?

– Уже полицейских у нас не было

– Убили их всех

– Ужо их усих убрали. Вот одного дзядьку, этага Тарасевича, я шкадую. Ен таки быу добры, но яго бургомистром выбрали просто

– Как его звали?

– Я не знаю як звали, фамилия Тарасевич была

– Тарасевич, да?

– Тарасевич, да. Ен дзядька таки хороши быу, ен за усих так заступляуся хорошо и усе, але ж тожа, як прыйшли, и усе, бургурмистр, партизаны забрали и

– Его убили тоже?

– Убили

– Когда партизаны пришли, они этих полицейских, они забирали с собой в лес, или на месте здесь убили?

– Забирали они, кого на месте здесь убили, а кого и, дзе яны дзенуц, никто не знал

– Это все как бы произошло в один день, или в разные дни убивали разных полицейских?

– Дзе ж яны у один день?

– Я не знаю, может они просто...

– Вы не понимаете даже, что такое война и як. Як жа они могут в один день. Вот они пришли сегодня, эти полицаи дома, яны

яго застали, полицаи тоже были хитрые люди, не думайте, что яны лопухи, яны ж хавалися тоже. А яны, ну, сення забьюць аднаго, заутра другога... не заутра, можа цераз нядзелю, цераз две, можа цераз месяц прыдуць и другога убьюць. Не было, палицяу у нас доуга не было. Уже в 43-им у нас не было, у нас уже была партизанская зона.

– А Вы помните по фамилии кого-то из тех полицейских?

– О, чаму не помню: Вася Ражкоу быу, Митя Ражкоу быу, Жакович быу, Сасиноуски быу у полиции, Шут быу у полиции, але Шут уцек падла. Ну хто ж яшчэ, Михалькевич быу, але ж дзядзька Михалькевич быу хороши, ен таки, ну, не вредны быу, ен пайшоу у эту полицию, лиха яго ведае чаго убиуся у гэту полицию

– Их в полицию как бы забирали, или они добровольно шли в полицию, не знаете?

– Хто их забирау, яны сами шли потому, что давали муку, хлеб давали немцы – яны ишли, можа хто есци хацеу, можа хто и добровольно ишоу, лиха их разбярэ

– А эти Рожковы, они братья были?

– Рожковы братья были два. Ну у их, як вам сказать, красивыя хлопцы такія, ух, жалко было их. Ихни отец быу батюшка, ну поп. Это поповы сыны были яны. Батюшку того як забрали тоды, и яны приехали у эту Гродянку работали, такія хлопцы

– Кто забрал? В смысле во время советской власти?

– Ну яшчэ як бацьку забирали, хапан забирау, ци як назвать вам

– Советы забирали, да?

– При советской власти, ну. Это у 39-ым году забрали их

– Репрессировали тогда?

– Я ж не знаю их

- А другие тоже молодые полицейские были
  - И молодые и старые, усяких полицеяу было
  - Кого из них Вы знаете, что убили здесь в деревне? Кого-нибудь знаете, что, например, с Рожковыми, что случилось?
  - Ну, тут жа ш забили их
  - Здесь, в деревне прямо?
  - Да.
  - Яны здесь у Зельцеравай хаце жыли. Яны уже тогда, як яурэяу побили, дом остался этого Зельцера, дык яны жили у этой хаце, и партизаны пришли – забили.
  - Кто-то из полицейских остался в живых после войны?
  - З наших можа хто и остался, Былинка ж остался, але ж ен з немцами поехал, дык ен недзе там на няметчыне и остался.
  - То есть вы не знаете, чтобы были случаи, когда судили уже после войны кого-то из этих полицейских?
  - Я не интересовалася, лиха из ведае, яны мяне не цикавили.
  - Знаете, мы остановимся здесь, спасибо Вам!
- Знаете, я проверила наши записи, которые есть, и есть несколько моментов, про которые Вы может быть забыли их. Я хочу пройтись по ним постепенно и напомнить о предыдущем разговоре.
- В прошлый раз Вы говорили, что Ваша семья спрятала какую-то еврейскую семью
- Ааа
  - Вот, забыли. Расскажите пожалуйста.

– Это у войну пришли к нам беженцы, беженцы вы понимаете что такое, пришли кнам семью пришли они не к нам, Бог их знае, куда они шли, и адкуль яны шли не знаем. Фамилию они нам сказали Гвоздетские. Гвоздетские Рада, Радик, мама и тетя ихняя, от они пришли. Пришли, сели бедная под бярозкой, сядзяць, никто их не трогае, яны никога не трогаюць. Мама идзе корову доить – они сядзяць. Мама дала им добры вечар, ды кажа папе: «Схадзи ты вунь паглядзи нейкия людзи сядзяць под бярозаю». Ен кажа: «А что за яны?». «А хто их ведае, нейкия чужья яны.». Папа выйшау, ну сядзяць. Папа у мяне быу таки гостеприимный, ен поздоровался з ими, пазвау из у хату, ну и вот яны з намию Рада была такая красивая. Рада кончила 4 курсы, наверное, медицинского. Яна такая красивая была Рада, а кофта у яе была красивая, ой, такая бирюзовая, ой. Ну и яны з нами живуць, мама их выдала за двоюродных сестер. А немцы дали таки лозунг, что нельзя, если еврейскую семью хто спрача – расстрел, нам уже расстрел. Ну что, мама выдала, что это мамины сестры двоюродные, ну, а в деревне знали, что у мамы сестры были, ну так яны з нами и жили. Жили яны з нами и мы разам уже, что умели, то ели, так и живем. И вот одно время они все выходят на улицу, так вот поужином, они выйдуць на улицу, так вот на двор выходзяць, сядуць отдыхаюць. Ну не знали ж мы, что они разговариваюць по еврейски. А папа выйшау у калидор, а яны не видят, что папа выйшау, между собой сами разговаривают Рада и Радик эты. Ну, папа прыйшоу у хату и гаворыць маме так и так. Мама як заплача: «О, мы папалися!». Папа гаворыць: «Ничога, маучы, ничога». Ну что думаете. Папа быу связаны с партизанами, и ен пагаварыу з гэтаю Радай, ен Раде сказау. Яна так спугалася. А апап мой, ен сам жыу у Чэрвеньском районе, молодость его была, и ен учился с евреями, и ен еврейский язык понимал очень даже хорошо. Ен з ею поговорил. Ну что, яна гаворыць, что яна согласна в партизаны пойти. Папа связуся с Кличаускими партизанами, тут яе у партизаны, яна будзе

ходить сюда – узнаюць, соседи узнаюць, тут уже. И вот Раду папа у Кличауски район у партизаны.

– Отправил

– Ну, поговорил с партизанами, ен быу связаны с ими. Яны приехали, яна согласна была, и яны... и яна и поехала. А один раз приехала уже, яна к нам. Ой, наша малая была так ей рада. Дык яна гаворыць: «А ты мне рада?». А яна: «Нет, ты Рада ты рада». А яна: «А ты мне рада?». «Ты Рада ты рада». И так, ну, и Рада так. Ну тады и Радик пайшоу у партизаны. Радика ранила цяжка, ой. И так мы усю вайну прокачались з ими, и яны з нами, и папу убили, и сястру убили, и яны з нами уже так и прожили. А потом после войны як яны... Радика то забрали у Маскву на самолете як раненага. Ну як яны, вот этия старыя апынулися там у Москве, не знаю. У 46-ым или у 47-ым, я не помню, было письмо нам з Москвы. Яны, Марыи этой муж, старой, или Анин, была одна Анна, другая Марыя, аднае муж живы, а другой яшчэ не было, не знаюць, дык писали яны. Ну, Радик плохо, Рада кончала... вот только не знаю, Рада ж учылася у Минску, а як яна писала, это писала Анна, что Рада кончила медицинский, вышла замуж. Или яна у Москве кончила медицинский, или она сюда в Минск приезжала, вот это мы не знаем. И так мы з ими связь потеряли. А были яны з нами. Интересно было знать дзе яны

– Сколько временит они провели в вашем доме?

– З нами яны, як только война началась. Война началась у, гэта, у юни, а яны к нам пришли в сентябры

– В сентябре

– У сентябры. Той жа самы год и усе, и были яны пока красныя не прыйшли.

– Сначала вы думали, что они русские?

– Ну, мы думали усе, что они русские, и яны не похожие на евреев, яны даже не картавили, яны так чисто, Рада тая так строчила по-русски, куда там, он красивая была

– И они вам не сказали откуда приехали?

– Нихто у их не спрашивал, короче сказать, что не интересовались, жили так друженько и усе.

– Ну когда они ушли к партизанам, сколько времени провели в вашем доме сначала?

– Ну вот як война началась, и уже у май нас освободили, и яны поехали. Радика ж ранили, Радика раньше забрали, Радика у май мусиць, не... не знаю, вот было, уи то майская блокировка была, ну в общем на рельсовую войну пошли туда, под Осиповичи, там яго ранили у голову, ой, стирашно

– Я все равно не поняла, после того, как они пришли к вам, они пришли в сентябре 41-ого

– Да

– Сколько времени еще они провели в вашем доме до того как пойти в партизаны?

– Рада пошла перед Новым годом у той жа год.

– Ага, то есть несколько месяцев

– У той жа год, только перад Новым, ци... ну зимой, я добра не помню як, но яна пошла, приехали этия партизаны, это папиныя знакомыя, это были железнодорожники, и яны были у Кличауским районе

– А вот эти две сестры они остались у вас жить?

– А гэтыя старыя и Радик с нами жыу. А потом Радик пайшоу у партизаны, але тут, ужо у нас, не у Кличауским районе, а уже у нас, у Осиповичском

– А вот эти женщины, которые постарше сестры, остались так и жить?

– А уже старья, им ужо гадой па 50, мусиць гэтай Анне 52 было. Яна аптэкарам, наварнае, рабила, бо яна нас павядзе, и усе травы мы собирали, знаеце, гэта траука ад гэтага, эта ад гэтага, и усе, яна трауки нам такія шукала, и усе, яна нам расказывала ад чаго яны. А после войны один раз было письмо и больш яны нам ничего не писали, дзе яны, что яны, жывыя ци, конечно, старья уже памерли, ну а Рада...